

Портрет на фоне истории

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ КОКОШКИН¹

Тонкий, стройный, моложавый, изящно одетый человек, с мелкими чертами лица, на котором выделялся только высокий красивый лоб, сдержанные движения, сильный голос, но без оттенков и модуляций, дефекты при произнесении некоторых букв. Я не помню оратора, который бы так мало утомлял слушателя и так легко и спокойно держал его в своей власти, не страстными порывами, не красотой фразы, а единственно и исключительно неустанным, ровным и постоянным накоплением мысли, — той интуитивно создаваемой гармонией между темпом мысли слушателя и темпом мысли оратора, которая прочнее всего связывает трибуну с аудиторией. Слушатель не ощущает речи как таковой, как оболочки; он не ощущает даже самой личности оратора; он весь скован

плавным ходом мысли, которая идет ему навстречу, так угадывает, что ему, случайно, нужно, точно оратор подслушал его душевные сомнения.

М. М. Винавер

Федор Федорович Кокошкин был известен в России в начале XX в. как политический деятель, основатель Конституционно-демократической партии, депутат I Государственной думы, государственный контролер Временного правительства. И конечно же — теоретик государства и права, один из основоположников конституционного права России. К сожалению, имя этого талантливого и глубокого русского правоведа как-то затерялось, незаслуженно забылось теперь уже в столетнем калейдоскопе событий.

Семья и образование

Древний род Кокошкиных восходит к легендарному касожскому князю Редеду. Его прямой потомок Василий Васильевич Глебов, по прозвищу Кокошка, и стал непосредственным основателем этого рода, представители которого внесены в VI часть родословной книги Московской, Нижегородской и Петербургской губерний.

¹ При подготовке материала использована статья профессора В. В. Шелохаева (*Шелохаев В. В.* Федор Федорович Кокошкин // Международный исторический журнал. 2000. № 8. URL: http://history.machaon.ru/all/number_08/istori4e/kokoshkin_print/index.html), прижизненные издания Ф. Ф. Кокошкина, воспоминания В. А. Оболенского, М. М. Винавера, П. Н. Милюкова и др., а также интернет-ресурсы.

Из ближайших предков Ф. Ф. Кокошкина наиболее известен его дед, тоже Федор Федорович Кокошкин (1773—1838), действительный статский советник, московский прокурор, драматург, директор императорских театров в Москве, председатель Московского общества любителей российской словесности. Что же касается родителей Ф. Ф. Кокошкина, то информация о них фрагментарна. Его отец, Федор Федорович (в роду старшим сыновьям было принято давать имя Федор), имел чин надворного советника, служил комиссаром по крестьянским делам в городе Холме Люблинской губернии. Он являлся одним из активных проводников реформ 60—79-х гг. XIX в. В этом небольшом польском городке в 1871 г. и родился Федор Федорович Кокошкин. Когда ему было около двух лет, а его младшему брату Владимиру лишь несколько месяцев, скоропостижно умер отец. Оставшись с двумя малолетними детьми, мать больше замуж не вышла, а посвятила свою жизнь воспитанию своих любимых сыновей. Вскоре после смерти мужа она с детьми переехала в город Владимир-на-Клязьме, где стала начальницей женской гимназии. Материальный достаток позволял снять большую квартиру с огромным фруктовым садом. По наследству от деда Ф. Ф. Кокошкина семье досталось большое родовое имение в Звенигородском уезде Московской губернии, куда каждое лето семья Кокошкиных переезжала из Владимира.

С ранних лет братья находились под присмотром гувернеров и учителей, обучавших их древним языкам, классической литературе и поэзии. Вспоминая о детских годах В. Ф. Кокошкин (брат Ф. Ф. Кокошкина) писал: «Были мы детьми веселыми, живыми, склонными к детским шалостям, и с совершенно настоящими изобретениями разного рода игр. И в этих изобретениях и играх всегда отражалась основная черта характера брата Федеи — потребность превратить в жизнь то, что он прочел и придумал. Или иногда даже то, что случайно появилось в его богатой фантазии»².

С 1880 по 1889 г. Федор учился во владимирской классической гимназии. Способный от природы, он обладал исключительной памятью, пытливым и самостоятельным умом. Еще в гимназии он превосходно знал древние языки — латинский и греческий, а из современных — немецкий и французский. Гимназию Федор окончил с золотой медалью. Характерно, что свое выпускное сочинение он посвятил «Антигоне» Софокла. В сочинении юный гимназист, по словам В. Ф. Кокошкина, доказывал, что «каждое истинно художественное произведение проникнуто духом времени и национальности»³.

После окончания гимназии Федор поступил на юридический факультет Московского университета. Как вспоминал В. Ф. Кокошкин, его брата всегда «привлекала к себе красота последовательно законченных построений юридической мысли»⁴.

Господский дом Кокошкиных в селе Брехово. Здание не сохранилось. Рис. С. В. Лучкиной.

² Новый журнал. Т. 74. Нью-Йорк. 1963. С. 209.

³ Новый журнал. С. 211.

⁴ Новый журнал. С. 211.

За блестяще написанное сочинение «Политика Аристотеля» в 1893 г. он был оставлен при университете по кафедре государственного права для подготовки к магистерскому экзамену. Его научный руководитель, профессор Н. А. Зверев, рекомендовал своего талантливого ученика известному специалисту в области государственного права профессору А. С. Алексееву. В течение четырех лет, пока шла подготовка к магистерским экзаменам, Федор Федорович жил в своем подмосковном имении. Одновременно он исполнял обязанности помощника секретаря Московского юридического общества, участвовал в редактировании «Сборника правоведения и общественных знаний». В 1896 г. была издана его первая научная работа «К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти». В 1897-м он сдал магистерский экзамен и по прочтении пробных лекций был зачислен на должность приват-доцента, а затем откомандирован Московским университетом за границу для продолжения образования и подготовки диссертации.

В течение двух лет он слушал лекции и работал в библиотеках Гейдельберга, Страсбурга, Берлина и Парижа. В Гейдельберге он занимался под руководством крупного ученого с мировым именем профессора Г. Еллинека, с которым на протяжении долгих лет вел переписку и поддерживал тесные дружеские отношения, и профессора Г. Мейера. В Страсбурге слушал курс лекций у профессоров П. Лабанда и О. Мейера.

Ученый-юрист

По возвращении в конце 1899 г. в Россию Федор Федорович начал читать в Московском университете спецкурс о местном самоуправлении, руководил практическими занятиями студентов по государственному праву. Одновременно он преподавал в Лицее цесаревича Николая.

Будучи духовно подвижен, Кокошкин был крупным ученым, несравненным полемистом, ярким публицистом. Он продуктивно использовал многофакторные методы исследования общетеоретических проблем, общественных явлений и процессов: традиционно-юридический, последовательными сторонниками которого были его зарубежные учителя Еллинек и Лабанд, а также новейшие — социологический и психологический. Такой подход позволял более глубоко и всесторонне уяснить широкий круг проблем: генезис государства, его институтов и структур; эволюцию форм государственного устройства; систему разделения властей; гражданские и политические свободы личности. Подчеркивая преимущество именно социологического и психологического методов, Кокошкин писал: «Государство по своему существу не есть не территория, не совокупность людей, оно не есть вообще какой-либо материальный предмет или собрание таких предметов: оно есть общественное явление. И, как таковое, составляет предмет общественной науки, социологии»⁵. Будучи продуктом общественного развития, государство, подчеркивал он, представляет собой не простую совокупность индивидов, а известное отношение между ними, которое может быть понято с помощью методов

⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. 2-е изд. М., 1912. С. 2.

социологической и психологической наук. По мнению Кокошкина, основу общества составляют отношения солидарности, образующие в своей совокупности устойчивые социальные объединения: союзы людей (родовые, территориальные, профессиональные, личные), эволюционно сменявшие друг друга. Развитие общественных потребностей и появление несовпадающих интересов является причиной конфликта между различными индивидуумами и союзами. Необходимость разрешения конфликтов более цивилизованными методами с логической неизбежностью приводит к возникновению организации более высокого уровня, основной задачей которой и становится регулирование социальных отношений. Государство выступает в роли аппарата управления, гармонизации социальных отношений. Суть социального прогресса, подчеркивал Кокошкин, как раз и состоит в уменьшении принудительной роли государства по отношению к личности за счет усиления его воспитательной и образовательной функций.

Кокошкин рассматривал проблему соотношения государства и права в качестве совокупности общественно признанных норм, которые обеспечивают удовлетворение интересов людей «посредством установления взаимодействия их волей»⁶. Рассматривая государство как результат накопления в течение многих веков «запаса культуры»⁷, Кокошкин считал, что оно по мере общественной эволюции рационализируется и демократизируется, постепенно становясь правовым государством. «Правовое государство, — писал он, — есть государство, которое в своих отношениях к подданным связано правом, подчиняется праву, иными словами — государство, члены которого по отношению к нему имеют не только обязанности, но и права, являются не только подданными, но и гражданами»⁸.

Кокошкин поставил и разработал принципиально важный вопрос о пределах государственного вмешательства в общественную и личную жизнь граждан. При этом он постоянно подчеркивал мысль, что «внутренняя, духовная сторона человеческой жизни остается недоступной для непосредственного планомерного воздействия государственной власти»⁹. Учитывая новейшие тенденции в области общественных наук, Кокошкин разделял положение о том, что «в настоящее время граждане ждут и требуют от государственной власти не только внешней защиты и охраны внутреннего порядка, но и широкого содействия их материальному и духовному благосостоянию и развитию»¹⁰.

В контексте развития западной и отечественной теории и практики Кокошкин применительно к России поставил и разработал проблему перехода от абсолютизма к конституционной монархии. Учитывая российские реалии, он акцентировал внимание на постепенности такого перехода. Именно в этом ключе вел он поиски оптимальной модели государственного устройства России, включая вопросы разделения властей и создания и функционирования двухпалатного народного представительства. При этом проблема разделения властей, как спра-

⁶ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 120—124.

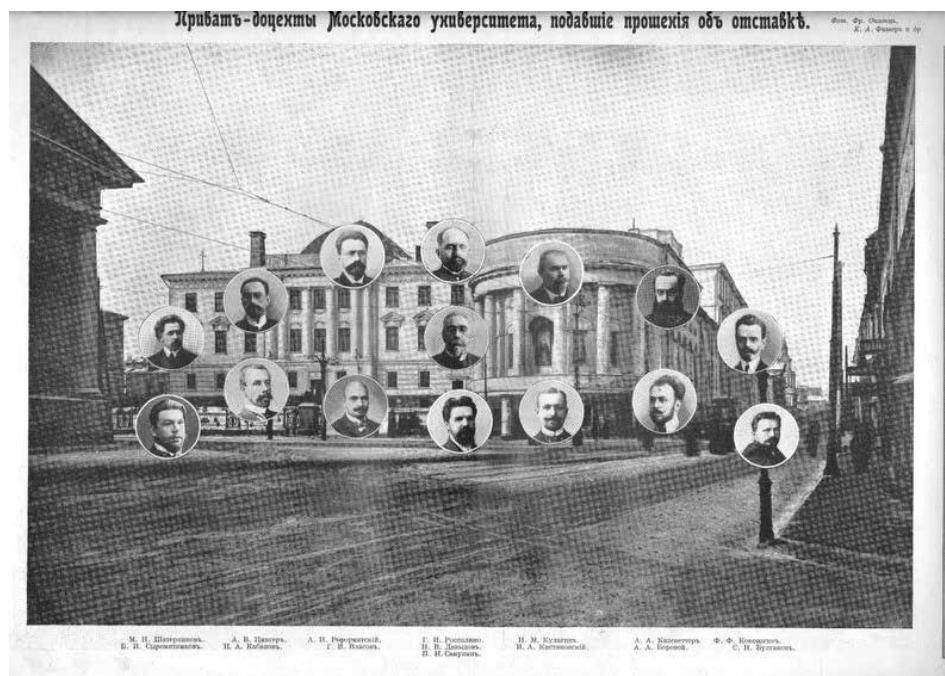
⁷ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 54.

⁸ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 261.

⁹ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 107.

¹⁰ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 104.

Приват-доценты Московского университета, подавшие прошения об отставке: М. Н. Штерников, В. И. Сыромятников, А. В. Цингер, Н. А. Кабанов, А. Н. Реформатский, Г. В. Власов, Г. И. Россолимо, Н. В. Давыдов, П. Н. Сакулин, Н. М. Кулагин, И. А. Кистяковский, А. А. Кизеветтер, А. А. Боровой, Ф. Ф. Кокошкин, С. Н. Булгаков.
Фото Фр. Опитц, К. А. Фишер и др.

ведливо заметил Медушевский, трактовалась Кокошкиным в русле разделения функций между ветвями власти, действовавших в рамках единой управленческой системы¹¹. Одновременно Кокошкиным разрабатывались такие актуальные для российской действительности проблемы, как соотношение централизации и децентрализации, автономии и федерализма, местного самоуправления.

Кокошкин был не только крупным теоретиком государства и права, но и превосходным переводчиком на русский язык текстов конституций западноевропейских стран, что в начале XX в. было крайне важно для формирования общественного мнения. В его переводе и под его редакцией в 1905 г. была издана книга «Тексты важнейших основных иностранных государств». «Это был глубокий юрист, — писал Кизеветтер, — знающий все конституции мира, как свои пять пальцев».

Свои обширнейшие знания в области теории, истории государства и права Кокошкин творчески использовал при разработке проекта русской конституции. Он входил в состав «освобожденческой» группы юристов (Н. Ф. Аненский, И. В. Гессен, В. М. Гессен, П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский, И. И. Петрункевич, Г. И. Шрейдер), которая летом 1904 г. подготовила проект Основного государственного закона Российской империи. Этот проект был издан в марте 1905 г.

¹¹ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм : Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 436—437.

в Париже П. Б. Струве. В октябре 1904 г. Кокошкин участвовал в подготовке знаменитых «11 пунктов» конституционной программы, принятой земским съездом в ноябре 1904 г. Эта программа ноябрьского земского съезда, образно названная Милюковым «петицией прав», сыграла важную роль в развитии либерально-опозиционного движения накануне и в годы первой русской революции.

Наступил 1911 г. и Кокошкин прекращает свою преподавательскую деятельность в Московском университете. Это был принципиальный поступок. 1 февраля 1911 г. Кокошкин отказался читать лекцию при наличии полицейской охраны, о чем он заявил студентам, а затем проинформировал и ректора. На другой день, 2 февраля, пришло известие об увольнении университетского президиума, и Кокошкин вместе с другими преподавателями подал в знак протеста прошение об отставке, но, в отличие от других преподавателей, он был уволен не по прошению, а устранен от чтения лекций попечителем учебного округа по предложению министра просвещения. Лишенный права преподавания в университете, он продолжал читать курс лекций в Народном университете имени А. Л. Шанявского и на Высших женских юридических курсах.

Общественный деятель. Политик

Одновременно с научной и преподавательской работой Кокошкин активно участвовал в земской деятельности в качестве гласного Звенигородского уездного земского собрания (где находилось его родовое имение) (1897), Московского губернского земского собрания (1900), где работал в комиссиях финансовой и по народному образованию. Он был членом Московской губернской земской управы (1903), заведовал ее экономическим отделом, ведавшим вопросами сельскохозяйственной и кустарной промышленности. 1903 год вообще стал переломным в личной и общественной судьбе Ф. Ф. Кокошкина: во-первых, в возрасте 32 лет он женился, а во-вторых, по собственному признанию, с головой ушел в политику, в которую был вовлечен своими близкими друзьями и коллегами по московскому губернскому земству — Д. Н. Шиповым, Ф. А. Головиным, Н. И. Астровым, С. А. Муромцевым, Н. Н. Щепкиным, Н. Н. Львовым. Глубоко развитое чувство общественного и гражданского долга, пылкий темперамент борца, вспоминал профессор А. А. Кизеветтер, «вспыхнули в его душе с неудержимой силой, лишь только он соприкоснулся с начавшимся политическим движением, которое вскоре охватило всю Россию»¹². Н. Н. Щепкин и Ф. А. Головин приобщили Федора Федоровича к группе земских конституционалистов, в которой он сразу же занял «выдающееся положение одного из тех деятелей, на которого с полным основанием были возложены лучшие надежды»¹³.

Кокошкин становится одним из самых активных участников ряда полулегальных и нелегальных либеральных организаций: кружка «Беседа», «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения».

¹² Памяти погибших : сб. статей. Париж, 1929. С. 16.

¹³ Памяти погибших. С. 17.

Чтобы понять причины быстрого взлета общественной и политической карьеры Кокошкина, следует хотя бы кратко остановиться на характеристике его облика. Обратимся к воспоминаниям тех, кто не только хорошо его знал, но и сумел глубоко понять его психологию. Блестящую портретную зарисовку Ф. Ф. Кокошкина дал князь В. А. Оболенский: «Всегда в застегнутом сюртуке, сшитом в талию, в ботинках самой последней моды и в непомерно высоких крахмальных воротничках, из которых выглядывало маленькое сухонькое личико с маленькими глазками, умно блестящими из-за пенсне, таков был внешний облик Кокошкина». В личных отношениях Федор Федорович «был совершенно обаятельным человеком: живой и интересный собеседник, знаток литературы и искусства, а главное — простой, добродушный и сердечный, никогда не выставлявший своего умственного превосходства, что так обычно у людей его калибра. Еще одна характерная его черта: болея туберкулезом, болезнь свою он переносил чрезвычайно бодро. Умел он беречь свое здоровье так, что другим это было незаметно, был всегда жизнерадостно настроен и работал значительно больше среднего здорового человека, точно торопился по возможности больше сделать в краткий отрезок жизни, отведенный ему судьбой»¹⁴.

Портретная зарисовка князя В. А. Оболенского во многом совпадает с наблюдениями М. М. Винавера, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова. По образному сравнению Винавера, «мысль и воля Кокошкина были в полной гармонии»¹⁵. По наблюдениям Кизеветтера, Кокошкин «обладал страстным темпераментом, душой в высшей степени отзывчивой на впечатления бытия, на глубокие вопросы права и морали, на волнующую прелесть поэзии и искусства, на повелительные призывы гражданского долга»¹⁶.

Кокошкин был знатоком отечественной и западноевропейской поэзии, тонким ценителем всего прекрасного. На полемическое дарование Кокошкина обратил внимание П. Н. Милюков. По его наблюдениям, Кокошкин был удивительным спорщиком, который «не только угадывал в споре настроение противника, но формулировал яснее его самого его мысль, а затем разбивал его так мягко и дружелюбно, что противник охотно признавал себя побежденным. Гибкость его мысли равнялась только твердости его основных убеждений. Он понимал значение политического компромисса, но знал его границы»¹⁷.

Совокупность отмеченных сущностных черт личности Кокошкина и обусловили вполне естественное выдвижение его на ведущие роли в либерально-оппозиционном движении в России.

По приглашению С. А. Муромцева Кокошкин вместе с Н. Н. Щепкиным и Н. Н. Львовым принял участие в разработке так называемого «муромцевского» или «земского» проекта конституции¹⁸. Эта разработка велась на даче Муромцева

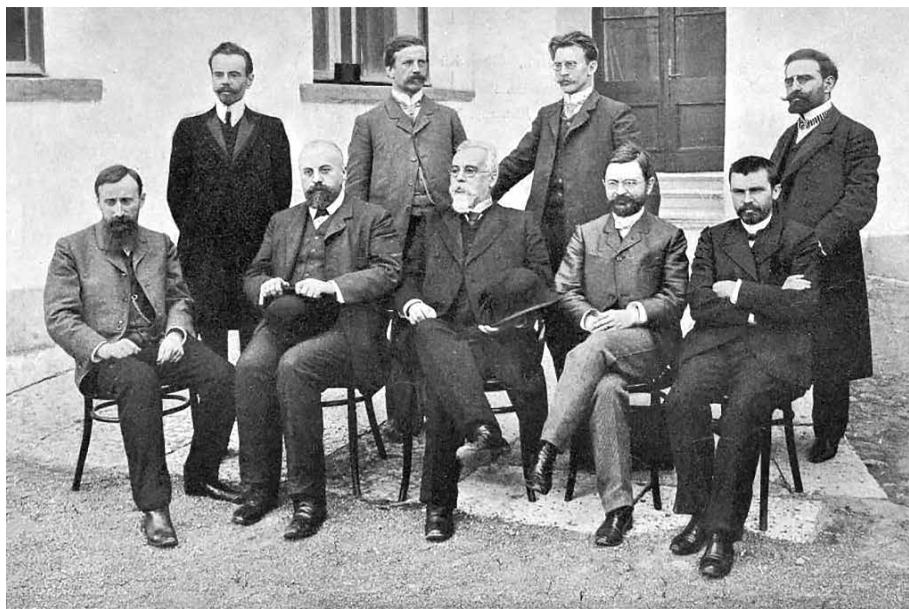
¹⁴ *Оболенский В. А.* Моя жизнь и мои современники. Париж, 1988. С. 367—368.

¹⁵ *Винавер М.* Недавнее (Воспоминания и характеристики). 2-е изд. Париж, 1926. С. 144, 150.

¹⁶ Памяти погибших. С. 9.

¹⁷ *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 186.

¹⁸ Подробно об этом проекте см.: *Медушевский А. Н.* Конституционный проект С. А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (1917 г.). М., 1996. С. 173—196.

Сидящие первые слева: князь Шаховской секретарь, князь П. Д. Долгоруковъ товарищ председателя, Муромцевъ председатель, Гредескуль товарищ председателя, Шапошниковъ товарищ секретаря. Стоящие слева: Кокошкинъ товарищ секретаря, Полятовский товарищ секретаря, Шершеневичъ товарищ секретаря Болквадзе, председатель бюро печати.

в подмосковном Царицыне. «На этой даче, — вспоминал Кокошкин, — наверху, в “классной” комнате детей С. А., увешенной по стенам географическими картами, происходили наши заседания... Занятия, начинавшиеся днем, продолжались порой и в течение всей ночи до рассвета»¹⁹.

Исходным материалом для проекта конституции послужил «освобожденческий» вариант Основного государственного закона Российской империи, хотя Муромцева не удовлетворяла ни его редакция, ни группировка материала, ни недостаточное развитие некоторых положений, а также включение в него отдельных постановлений, которые представлялись практически неосуществимыми в данной политической ситуации. По выражению Муромцева, разработчикам нового проекта еще предстояло «врубить» надлежащий образ русской конституции в представления русского общества²⁰.

Главные изменения, которые предлагал внести Муромцев в «освобожденческий» проект конституции, сводились к следующим пунктам:

- 1) следовало исключить из него раздел, посвященный определению юридического положения и перечислению прерогатив монарха;
- 2) положить в основу проекта новый раздел «О законах», провозглашающий принцип верховенства закона и устанавливающий его гарантии;

¹⁹ Кокошкин Ф. Ф. С. А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев : сб. статей. М., 1911. С. 223.

²⁰ См.: Кокошкин Ф. Ф. Работа земских съездов и “Русские ведомости” // Русские ведомости, 1863—1913 : сборник статей. М., 1913 С. 92.

- 3) исключить раздел, вводящий конституционный суд, учреждение которого на тот момент представлялось практически неосуществимым.

Особенно тщательно Муромцев, вспоминая Ф. Ф. Кокошкин, намеривался разработать статьи о порядке работы и компетенции Государственной думы, в частности, об ее участии в заключении международных договоров и в принятии бюджета. Вводились новые статьи: о разрешении разногласий между палатами как посредством обращения к избирателям, так и совместного их заседания и голосования. «Стиль проекта, — писал Ф. Ф. Кокошкин, — был ближе к языку Свода законов, но в то же время усовершенствован в смысле юридической точности»²¹.

Наряду с проектом конституции был подготовлен проект избирательного закона, воспроизводивший в несколько переработанном виде основные черты «освобожденческого» проекта 1904 г. 30 июня 1905 г. разработка проектов была завершена, и 6 июля, в день открытия очередного земско-городского съезда, они были опубликованы в газете «Русские ведомости», соответствующие экземпляры которой были розданы делегатам. По мнению Кокошкина, публикация проекта Основного государственного закона Российской империи способствовала «усилению интереса к конституционным вопросам и уяснению структуры конституционного государства». Несколько позднее данный проект оказал «влияние на действующие Основные законы, хотя, к сожалению, — констатировал Кокошкин, — более со стороны редакции их отдельных частей, чем в главной их сущности»²².

Готовясь к сентябрьскому земско-городскому съезду, члены оргбюро, включая и Кокошкина, регулярно собирались на царицынской даче Муромцева для разработки программных документов. «С невольной улыбкой вспоминается, — писал Кокошкин, — как люди, готовившие открытое собрание для гласного обсуждения вопросов, связанных с осуществлением прав, официально представленных населению, по окончании заседания таинственно расходились в темную осеннюю ночь по переулкам Царицына, стараясь не привлекать к себе внимания местных властей и тем не помешать занятиям бюро»²³.

На сентябрьском земско-городском съезде 1905 г. Кокошкин по поручению оргбюро выступил с основным докладом «О правах национальностей и децентрализации». Исходная его идея — сохранение во что бы то ни стало унитарного устройства российского государства. Отстаивая лозунг «единой и неделимой империи», Кокошкин самым решительным образом высказался против леворадикальных требований политического самоопределения наций и федеративного устройства государства, считая их лежащими «вне области практической политики». В представлении Кокошкина попытка реализации этих лозунгов открывала прямой путь к распаду государства и анархии²⁴.

В докладе Кокошкин подробно остановился на вопросе о местной автономии. По его мнению, «практическая постановка вопроса о разделении России на автономные области и о предоставлении автономии отдельным областям одновременно с вопросом об изменении формы правления угрожает серьезной

²¹ Кокошкин Ф. Ф. Работа земских съездов и «Русские ведомости». С. 93.

²² Кокошкин Ф. Ф. Работа земских съездов и «Русские ведомости». С. 225, 227.

²³ Кокошкин Ф. Ф. Работа земских съездов и «Русские ведомости». С. 240.

²⁴ Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.

опасностью самому делу политической и гражданской свободы в нашем обществе. Несомненно, что вопрос о пределах и формах автономии и в особенности о границах автономных областей вызовет острые разногласия и может усилить национальную рознь». Основываясь на этой посылке, он делал практический вывод: «Вопрос об областной автономии не может быть окончательно разрешен ранее политического освобождения». И только «после установления прав гражданской свободы и правильного народного представительства с конституционными правами для всей империи должен быть открыт законный путь для установления местной автономии»²⁵. Считая вопрос об автономии находящимся в данный момент «вне практической политики», Кокошкин тем не менее счел необходимым изложить более обстоятельно перспективное понимание им данной проблемы. Во-первых, после политического освобождения страны автономия должна вводиться постепенно, по мере «выяснения потребностей в ней местного населения и естественных границ автономных областей». Причем для введения автономии каждый раз требовалось издание «особого имперского указа об образовании той или иной автономной области». «Местная автономия, — отмечал Кокошкин, — не нарушает государственного единства, если она устанавливается общегосударственным законом, определяющим ее границы»²⁶.

Имперским законом должны быть определены как пределы автономии, так и разграничительные функции между общеимперским и местным законодательным собранием. Во-вторых, принятые местными представительными собраниями законы могли получить юридическую силу только в том случае, если они будут утверждены представителями центральной власти.

При такой постановке вопроса речь, по существу, шла о распространении на автономную область прав местного самоуправления. Недаром Кокошкин подчеркивал, что «областная автономия и местное самоуправление суть явления одного и того же порядка», что автономия всего лишь «высшая ступень развития местного самоуправления»²⁷. Исключение из общего правила, по мнению Кокошкина, представляла только Польша. Предполагалось, что сразу же «по установлении общеимперского демократического представительства с конституционными правами» Польша будет выделена «в особую автономную единицу с сеймом, избираемым на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, при условии сохранения государственного единства империи». Для других же национальностей, по мнению Кокошкина, главным должно стать требование культурного самоопределения. Под этим требованием прежде всего он имел в виду предоставление каждой народности права пользоваться родным языком во всех сферах общественной жизни, основание учебных заведений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры. «Всякие стеснения в этой области по отношению к народностям, не имеющим сил развивать собственную национальную культуру, — отмечал Кокошкин, — либо за-

²⁵ Кокошкин Ф. Ф. О правах национальностей и децентрализации. М., 1906. С. 33, 34, 45—46.

²⁶ Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. С. 14.

²⁷ Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. С. 7, 9.

Депутаты I Государственной думы с первым председателем Думы профессором права С. А. Муромцевым (второй справа). Ф. Ф. Кокошкин — первый слева.

медляют и осложняют естественный мирный процесс слияния их с преобладающими народностями по отношению к народностям более развитым и сильным и приводят к противоположным своей цели результатам, вызывают с их стороны ожесточенный отпор и сепаратистские стремления»²⁸. Провозглашая лозунг культурного самоопределения, Кокошкин вместе с тем высказывался за сохранение единого государственного языка.

Основные положения доклада Кокошкина, изложенные им на сентябрьском земско-городском съезде, были положены в основу разрабатываемой в это время программы конституционно-демократической партии. Будучи членом комиссии по созыву ее учредительного съезда, Кокошкин принимал самое активное участие в разработке программных документов, стратегического и тактического курса. Его по праву можно считать автором национального раздела программы кадетской партии.

Входя в состав 40-членной организационной комиссии, сформированной летом 1905 г. Союзом земцев-конституционалистов и Союзом освобождения, Кокошкин являлся также одним из основателей партии кадетов, ее бессменным членом ЦК, а также членом Московского городского и губернского комитетов. На протяжении 12 лет существования партии он участвовал в разработке основополагающих партийных документов, законодательных проектов и предложений, избирательных платформ. ЦК поручал Кокошкину подготовку наиболее важных и ответственных докладов и выступлений на партийных форумах, особенно

²⁸ Кокошкин Ф. Ф. О правах национальностей и децентрализации. С. 6—7, 32—33, 44.

в тех случаях, когда предстояло корректировать ее программу и круто менять тактический курс.

В ходе избирательной кампании в I Думу Федор Федорович неоднократно выступал на предвыборных собраниях в Москве, в уездных городах Московской губернии и в Калуге. «Каждое его выступление на политических митингах, — вспоминал Кизеветтер, — было истинным его триумфом». Слушателей прежде всего привлекала предельная ясность и четкость мысли оратора, неотразимость и убедительность его аргументов, глубокое знание обсуждаемых вопросов и широта политического кругозора. «Кто слушал его впервые, — писал Кизеветтер, — тот в начале его речи испытывал недоумение и спрашивал себя, на чем же основана слава этого оратора? Произношение Кокошкина не чисто, он не выговаривал некоторых звуков, шепелявил; его голос был однообразно криклив, лишен музыкальных модуляций. Казалось в первые минуты, что такой оратор должен скоро утомить слушателей. А между тем через несколько секунд после начала его речи вся аудитория, хотя бы в ней было немало и его политических противников, уже с величайшим подъемом внимания, не дыша от восхищения, следила за каждым его словом, готовая часами сидеть, не шелохнувшись, под обаянием его чар»²⁹.

14 апреля 1906 г. Кокошкин был избран Московским городским избирательным собранием депутатом I Думы. Депутаты Думы единодушно избрали его товарищем секретаря, членом многих думских комиссий (для составления проекта ответного думского адреса, для подготовки наказа, о неприкосновенности личности, о свободе собраний, о гражданском равенстве, бюджетной, редакционной). 26 апреля 1906 г. Кокошкин был рекомендован ЦК в состав комитета парламентской группы, а вскоре стал членом бюро думской кадетской фракции. По поручению ЦК Кокошкин выступал в качестве докладчика во фракционной комиссии по выработке законопроекта о местном самоуправлении. Вместе с Петрункевичем, Набоковым, Родичевым, А. А. Мухановым, Винавером Федор Федорович входил в состав думской распорядительной комиссии, задачей которой было оперативное принятие тактических решений и подготовка заявлений от имени партии по самым неотложным вопросам.

В течение 72 дней работы I Думы Кокошкин 10 раз поднимался на думскую трибуну (в ответ на декларацию Совета министров, о гражданском равенстве, о политической амнистии, о неприкосновенности депутатов, об аграрных беспорядках на местах и земельных комитетах, о свободе собраний, о погроме в Белоруссии, об аграрном обращении Думы к населению). Его блестящие по содержанию и форме выступления являлись образцом подлинного ораторского искусства. По решению думской кадетской фракции речи Кокошкина в I Думе были изданы отдельной брошюрой.

Деятельность в 1917 г.

Февральскую революцию 1917 г. Кокошкин принял как необходимую оборонительную меру ввиду нависшей над страной смертельной опасности поражения

²⁹ Памяти погибших. С. 18.

А. А. Мануйлов и Ф. Ф. Кокоскин, кадеты, члены Временного правительства, Петроград, 1917 г.

в войне. Вместе с тем, вспоминал Кизеветтер, Федор Федорович неоднократно высказывался в том смысле, что «Временное правительство не устоит под напором все усиливающегося революционного урагана, и нам придется пройти через все стадии революционного процесса и испытать все ужасы его крайних выражений»³⁰.

10—13 марта 1917 г. на пленарном заседании ЦК Кокоскин был включен в состав комиссии, перед которой была поставлена задача разработать комплекс вопросов, связанных с предстоящим созывом и деятельностью Учредительного собрания. 20 марта 1917 г. Кокоскин был назначен вместо В. А. Маклакова на пост председателя Юридического совещания при Временном правительстве. Это совещание тогда образно называли «маленькой законсовещательной камерой». Его задача состояла в том, чтобы разработать оптимальную модель государственного устройства России. На председателя Юридического совещания были возложены довольно широкие обязанности: организация делопроизводства, подбор штата служащих, выработка программы деятельности. Председателю совещания был установлен довольно высокий оклад в раз-

мере 1 050 руб. в месяц, в его личное распоряжение представлен специальный экипаж³¹.

25 марта 1917 г. по поручению ЦК Кокоскин выступил с докладом на VII съезде кадетской партии, в котором теоретически и политически обосновал необходимость изменения § 13 программы о форме государственного устройства. Мотивируя отказ партии от требования парламентарно-монархического строя, Кокоскин заявил: «Мы никогда в своем большинстве не считали монархию, хотя и парламентарную, наилучшей формой правления, никогда монархия конституционная и парламентарная не была для нас, как для монархистов, в точном значении этого слова, тем верховным принципом, которому бы мы подчиняли всю нашу политическую программу. Монархия была для нас тогда не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности». Отметив, что любые формы государственного правления, в том числе и монархическая, являются не конечной целью, а всего лишь средством, при помощи которого «мы рассчитывали приблизиться к осуществлению наших политических идеалов, к осуществлению тех принципов, которые мы кладем в основу нашей программы», он напомнил делегатам съезда, что кадетская программа основывается на трех исходных принципах: «1) в отношении государства мы отстаиваем всегда неприкосновенность начал гражданской свободы и равенства; 2) обеспечение полного господства народной воли; 3) осуществление начал социальной справедливости, широких реформ, направленных к удовлетворению справедливых

³⁰ Памяти погибших. С. 23.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. 1792. Юридическое совещание при Временном правительстве. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.

требований трудящихся классов». Подчеркнув, что «человечество постепенно вырастает в новый социальный строй», Кокошкин заявил, что «задача демократических партий заключается в том, чтобы всеми силами способствовать возможно более успешному, быстрому и безболезненному ходу этого процесса».

На VIII съезде кадетской партии (май 1917 г.) Кокошкин выступил с докладом «Об автономии и правах национальностей». Подчеркнув свою неизменную приверженность принципу сохранения «единой и неделимой» России, он заявил, что в условиях политической дестабилизации и усиления конфронтации в сфере национальных отношений разделение страны по национально-территориальному принципу является неприемлемым. В противном случае это привело бы «к полному разрушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)». Не отрицая, что в перспективе Россия может стать федеративной республикой, Кокошкин был убежден в том, что в данных конкретно-политических условиях «немедленный переход к федерации осложнил бы до крайности введение самой республиканской конституции». Наиболее же оптимальным решением национального вопроса он считал предоставление народностям не территориальной, а широкой культурно-национальной автономии с одновременной децентрализацией управления и законодательства.

21 мая 1917 г. постановлением Временного правительства Кокошкин был назначен председателем Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание с оставлением его сенатором первого департамента Правительствующего сената и председателем Юридического совещания. По его инициативе и непосредственном участии были разработаны как общетеоретические принципы избирательной системы по выборам в Учредительное собрание, так и конкретные вопросы: о сроках его созыва и об оптимальном количестве депутатов, о структуре и пределах компетенции. По мнению Кокошкина, наиболее реальным сроком созыва Учредительного собрания являлся либо конец лета, либо начало осени 1917 г., а более справедливой была бы пропорциональная избирательная система, позволяющая более полно и равномерно представить интересы различных групп населения и политических партий. Главная задача Учредительного собрания — выработка и принятие конституции, установление демократической республиканской формы правления, а также разрешение других неотложных задач государственной важности: социальных, национальных, конфессиональных. После реализации этих задач Учредительное собрание должно было уступить место «новому законодательному порядку, который это Учредительное собрание создаст».

Кокошкину принадлежит ключевая роль в разработке основных принципов управления страной в переходный период. Согласно подготовленному им проекту, Учредительное собрание еще до принятия конституции должно было организовать на началах парламентаризма временную правительственную власть. Собрание должно было избрать временного президента, который через ответственное министерство осуществлял бы исполнительные властные функции. Характерно, что временный президент должен был избираться тайным голосованием на срок, не превышающий один год. Он наделялся правами «почина по делам законодательства» и издания указов, контроля за исполнением законов.

Кроме того, временный президент являлся руководителем внешней политики, главнокомандующим вооруженными силами страны, назначал и увольнял председателя Совета министров и министров, должностных лиц гражданского и военного ведомства, которые, согласно конституции, назначались и увольнялись верховной властью. Временный президент исполнял председательские функции во время заседаний Совета министров. Однако его указы и распоряжения долж-

Л. Г. Корнилов в группе членов Временного правительства перед Государственным совещанием. Москва, 1917.

В группе: П. П. Юренев — министр путей сообщения, Ф. Ф. Кокошкин — государственный контролер, М. И. Терещенко — министр иностранных дел, Л. Г. Корнилов — верховный главнокомандующий, А. Ф. Керенский — председатель Совета министров, военный и морской министр, И. Н. Ефремов — министр государственного призрения, академик С. Ф. Ольденбург — министр народного просвещения, И. Г. Церетели — лидер Социал-демократической партии (меньшевиков), А. М. Никитин — министр почт и телеграфа; над А. Ф. Керенским: Б. В. Савинков — управляющий Военным министерством.

ны были скрепляться подписями председателя Совета министров или одним из министров и без этого не могли приводиться в исполнение³².

Временное правительство неоднократно предлагало Кокошкину занять различные министерские посты — народного просвещения, юстиции, а также специально для него созданный пост министра Учредительного собрания. В одной из бесед с Винавером Федор Федорович заявил: «На все эти административные посты меня не тянет. Не считаю себя годным для них. Не удивляйтесь тому, что вам скажу: единственный пост, который я занял с искренним интересом, это пост обер-прокурора Святейшего синода. Тут я мог кое-что сделать; у меня есть на этот счет свои идеи». Он долго отказывался и от председательствования в Особом совещании для разработки проекта положения о выборах в Учредительное собрание, предлагая вместо себя то Г. В. Плеханова, то Н. В. Чайковского. Но когда он все же дал свое согласие, то отдавал делу всю свою душу, ибо, по свидетельству Винавера, считал, что «оно приближало его к заветной цели: созданию на Руси правильного парламента»³³.

³² ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 8. Лл. 1—2; Кокошкин Ф. Ф. Учредительное собрание. Пг., 1917. С. 21.

³³ Винавер М. Указ. соч. С. 159.

Близкие друзья единодушно отмечали, что в натуре Кокошкина не было «ни тщеславия, питающего властолюбие, ни достаточного сознания собственной силы к власти»³⁴. Это наблюдение Винавера подтверждает и князь В. А. Оболенский: «Человек с обширным образованием и широкими взглядами, притом всей душой преданный общественному делу, он, однако, был недостаточно честолюбив и властолюбив и, может быть, слишком скромнен для большой политической карьеры»³⁵. Больших трудов стоило ЦК партии уговорить Кокошкина занять пост государственного контролера во втором составе коалиционного Временного правительства. Будучи вообще противником участия кадетов в коалиционном правительстве А. Ф. Керенского, Кокошкин, скрепя сердце, вынужден был подчиниться решению ЦК. Как вспоминал Кизеветтер, «именно ему партия хотела доверить руководство своей политикой в правительстве»³⁶. Характерно, что, когда в это тревожное время «среди членов партии возникали разговоры о том, кто мог бы стать ее лидером в случае болезни или смерти Милюкова, все единодушно называли Кокошкина»³⁷.

Согласившись занять пост государственного контролера, Кокошкин 3 июля 1917 г. подал заявление об увольнении от должности председателя и члена Юридического совещания. 10 июля Временное правительство удовлетворило его просьбу, сохранив за ним пост председателя Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Вскоре полностью разочаровавшись в способности Керенского повлиять на развитие революционного процесса в стране, Кокошкин какое-то время возлагал надежду на установление военной диктатуры в лице генерала Л. Г. Корнилова. После поражения корниловского выступления он вышел в отставку, всецело сконцентрировав свое внимание на выработке избирательного закона по выборам в Учредительное собрание.

По решению ЦК Кокошкин принимал участие в избирательной кампании и был избран по списку партии народной свободы депутатом Учредительного собрания. Как известно, первоначально созыв Учредительного собрания планировался на 28 ноября 1917 г. Эту дату созыва Учредительного собрания решили сохранить и большевики. «Друзья, — вспоминал Кизеветтер, — уговаривали Кокошкина побережь себя и не ехать в Петербург на верную смерть. Он отвечал с простотой истинного героизма: “Я не могу не явиться туда, куда меня послали мои избиратели. Это значило бы для меня изменить делу всей моей жизни”»³⁸.

Утром 27 ноября 1917 г., Федор Федорович и Мария Филипповна Кокошкины прибыли из Москвы в Петроград. Вечером на квартире графини С. В. Паниной состоялось заседание ЦК кадетской партии, на котором обсуждался вопрос об открытии на следующий день Учредительного собрания. По мнению присутствующих, открытие Учредительного собрания неправомерно, т.к. в Петроград еще не прибыло то количество депутатов, которое было необходимо для кворума.

³⁴ Винавер М. Указ. соч. С. 158.

³⁵ Оболенский В. А. Указ. соч. С. 368.

³⁶ Памяти погибших. С. 23.

³⁷ Оболенский В. А. Указ. соч. С. 368.

³⁸ Памяти погибших. С. 24.

В связи с этим предлагалось объявить вместо полномочного собрания обычное совещание, избрать временного председателя и так собираться до тех пор, пока в Петроград не съедется большинство депутатов. Заседание ЦК затянулось до позднего вечера и некоторые его участники, в том числе А. И. Шингарев, Ф. Ф. и М. Ф. Кокоскины, князь Павел Долгоруков, остались ночевать у Паниной. 28 ноября в 7:30 утра все они, включая и графиню Панину, были арестованы. Характерно, что арест производил бывший студент Кокоскина Гордон. Предъявляя ордер на арест, он заявил, что все арестованы, потому что «не хотели признавать власть народных комиссаров».

Арестованных на автомобилях под охраной солдат латышского полка доставили в Смольный и разместили в комнате № 56, в которой тогда располагалась следственная комиссия. Здесь их продержали до часу ночи 29 ноября, а затем под охраной латышей отправили на автомобилях по камерам, их долго держали сначала на морозе, а затем в караульном помещении. «Долгоруков и Кокоскин, — записал в своем дневнике Шингарев, — принялись объяснять солдатам, какое преступление они делают, лишив свободы членов Учредительного собрания. Солдаты молчали, один из них сказал: “Да мы что, мы лишь исполняем приказания”. — “Так говорили при царе”, — сказал Кокоскин. Войдя в караульное помещение, кн. Долгоруков спросил Шингарева: “Какую бы вы речь сказали в Учредительном собрании?” Тот ему ответил: “Я сказал бы речь о том, что русская революция сама себя убивает”»³⁹.

Лишь в половине третьего ночи арестованные были препровождены в Трубецкой бастион и размещены в одиночных камерах. Больному Кокоскину досталась самая холодная камера, № 53. В отличие от московской губернской тюрьмы, где он летом 1908 г. отбывал трехмесячный срок, в Трубецком бастионе было невыносимо холодно, у заключенных мерзли руки и ноги, а ночью им мешало спать электричество, кусали клопы. Питание заключенных было плохим. На рождество заключенных вообще оставили без обеда. «За последнюю неделю, — написано в дневнике Шингарева, — четыре раза у нас был пустой суп»⁴⁰.

У Ф. Ф. Кокоскина и А. И. Шингарева ухудшилось здоровье, и их родные стали хлопотать о их переводе в больницу. В последних числах декабря 1917 г. председатель Красного креста доктор И. И. Манухин обратился в Народный комиссариат юстиции с просьбой, подкрепленной свидетельствами о состоянии здоровья Кокоскина и Шингарева, о переводе их в Мариинскую тюремную больницу. 30 декабря Манухин сообщил Шингареву, что его и Кокоскина должны перевести в больницу.

Утром 6 января 1918 г. Народный комиссариат юстиции выдал М. Ф. Кокоскиной и А. И. Шингаревой ордера на перевод Ф. Ф. Кокоскина и А. И. Шингарева из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу. Одновременно комиссару первого городского района П. В. Михайлову было поручено обеспечить охрану заключенных. В свою очередь, Михайлов приказал начальнику отряда бомбометальщиков П. Куликову выделить наряд в составе пяти красногвардейцев для сопровождения заключенных. В него вошли рядовые Арметьев, Розин, Семенов,

³⁹ См.: Как это было. Дневник А. И. Шингарева. Петропавловская крепость 27.XI.17—05.I.18. 2-е изд. М., 1918. С. 8.

⁴⁰ Как это было. С. 48.

Ямбус, а также инструктор при районном штабе Красной гвардии С. И. Басов, который и был назначен главным.

После многочасовых мытарств и бюрократических проволочек в 6 часов вечера Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев, которых сопровождали М. Ф. Кокошкина, А. И. Шингарева, Н. Д. Соколов, на пяти извозчиках под охраной красногвардейцев выехали из Петропавловской крепости. Уже было темно. На улице мела метель. Около 7 часов вечера заключенные прибыли в Мариинскую больницу. Их разместили на 3-м этаже... А. И. Шингарева — в палате № 24, а Ф. Ф. Кокошкина — напротив, в палате № 27. Красногвардейцы Арметьев, Семенов и Ямбус разместились в коридоре, а Басов и Розин отправились за сменой. Перед этим Басов бесцеремонно постучал в палату Шингарева, вызвал его сестру и потребовал от нее денег, якобы для оплаты извозчиков. Получив деньги, он ушел.

М. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева еще некоторое время оставались в больнице. В отличие от казематов Трубецкого бастиона, в больничных палатах было тепло, кровати застелены свежим бельем. После более чем месячного заключения в холодных одиночных камерах Федор Федорович и Андрей Иванович согревались, постепенно приходили в себя, делились своими впечатлениями.

О том, как разворачивались дальнейшие трагические события в Мариинской больнице, скупое свидетельствуют материалы обвинительного акта по делу об убийстве А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, воспоминания А. И. Шингаревой и дневниковые записи М. Ф. Кокошкиной. Согласно показаниям С. И. Басова, еще во время формирования наряда красногвардейцев П. Куликов недвусмысленно советовал не возиться с заключенными, а «просто сбросить их в Неву». После смены караула, последовавшего около 9 часов вечера, Басов доложил Куликову, что заключенные доставлены в больницу. В ответ Куликов высказал свое возмущение, что Басов «не мог расправиться с ними», и послал его в ближайший морской экипаж, чтобы тот взял там матросов и отправился с ними в больницу для расправы с заключенными. Басов выполнил это приказание Куликова.

Около 30 матросов флотских экипажей «Ярославец» и «Чайка» охотно вызвались пойти с Басовым. С криками «вырезать», «лишние две карточки на хлеб останутся» разъяренная матросня ринулась к Мариинской больнице. Расставив на всякий случай посты на соседних улицах, около 10 матросов примерно в 21:30 ночи подошли к входу в больницу, стали стучать в дверь: «Сторож, открывай: здесь есть арестованные министры. Мы пришли на смену караула». Увидев толпу вооруженных матросов, перепуганный сторож М. Е. Марков впустил их в больницу. Взяв у сторожа керосиновую лампу, Басов, зная расположение палат Кокошкина и Шингарева, повел матросов на 3-й этаж. Сначала матросы ворвались в палату А. И. Шингарева. Тот готовился ко сну, сидел на кровати, прислонившись к стене. Здоровенный матрос-эстонец Оскар Крейс схватил его за горло, повалил на кровать и стал душить. Застигнутый врасплох, Шингарев попытался спросить: «Что вы, братцы, делаете?» Однако матросы, крича, что «убивают министров за 1905 год, довольно им нашу кровь пить», стали беспорядочно в него стрелять из револьверов и колоть штыками. Затем убийцы направились в палату Ф. Ф. Кокошкина, который уже спал. Тот же Крейс схватил его за горло со словами «Товарищ» и площадной бранью, а другой матрос, Я. И. Матвеев, двумя выстрелами в упор — в рот и сердце — убил его. Исполнив «свой классовый долг», матросы

и красногвардейцы покинули больницу. Уходя, они в комнате Шингарева прихватили кожаную куртку и подарили ее Басову. Опьяненные совершенным убийством, они требовали от Басова, чтобы тот повел их в Петропавловскую крепость, где они намеревались расправиться с «сидевшими там министрами и Марковым». Более того, они сказали Басову, что потом пойдут в лечебницу Герзони, где в это время находилось еще три министра Временного правительства. Когда Басов доложил Куликову о случившемся, тот выразил удовлетворение, сказав «туда им и дорога».

После ухода матросов и красногвардейцев в Мариинской больнице начался переполох. Дежурный врач констатировал смерть Кокошкина. Шингарева он застал живым. Находясь в сознании, истекающий кровью Андрей Иванович, сам опытный врач, отказался от предложенной перевязки и просил сделать ему инъекцию морфия. Через полтора часа он умер. Вспоминая о зверском убийстве А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, Милюков писал: «Одной солдатской пулей легко уничтожить хрупкую и тонкую организацию; но сколько поколений нужно, чтобы создать ее! Архимед и варвары — история повторяется»⁴¹.

Труды Ф. Ф. Кокошкина

- К вопросу об юридической природе государства и органов государственной власти. — М., 1896.
- Об основаниях желательной организации народного представительства в России. — М., 1906.
- О правах национальностей и децентрализации. — М., 1906.
- Областная автономия и единство России. — М., 1906.
- Лекции по общему государственному праву. — М., 1912.
- Об ответственном министерстве. — М., 1915.
- Республика. — Пг., 1917.
- Автономия и федерация. — Пг., 1917.
- Учредительное собрание. — Пг., 1917.

Он был прирожденный борец в тех высших культурных формах, до которых додумывалось человечество, где оружием является слово, ареной — внимлющее слову организованное человеческое общество, а целью — воплощение в форму права заветных идеалов общезжития.

М. М. Винавер о Ф. Ф. Кокошкине

⁴¹ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 186.